

УДК 130.2

**КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ
ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА****Коваленко Е.М.***ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, e-mail: emkovalenko@sfnu.ru*

В статье рассматривается концепция когнитивной теории культуры в контексте изменяющейся парадигмы научного знания, поиска новых форм объяснения взаимодействия и взаимовлияния ментальных и культурных структур сознания. Показано, что информационная теория познания дает возможность описывать когнитивные формы культуры с точки зрения современных достижений науки, используя подход к вербальному языку как одному из важнейших кодов, посредством которого возможно изучение когнитивных процессов. Рассмотрено определение культуры как когнитивного «аппаратурного оснащения» коллективного сознания, данного в концепции Е.Я. Режабека, подход которого позволяет описывать когнитивный строй конкретной, исторически определенной культуры через изучение ее когнитивно-лингвистических форм.

Ключевые слова: культура, информация, язык, мышление, когнитивный строй культуры, культурная нейронаука, ментальные формы культуры

**A COGNITIVE THEORY OF CULTURE IN THE CONTEXT
OF THE INFORMATION APPROACH****Kovalenko E.M.***Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: emkovalenko@sfnu.ru*

The article discusses the concept of culture cognitive theory in the context of changing paradigms of scientific knowledge, the search for new forms of explanation of interaction and mutual influence of mental and cultural structures of consciousness. It is shown that information theory of knowledge gives the opportunity to describe cognitive forms of culture from the point of view of modern science, using the approach to verbal language as one of the most important codes by which it is possible to study cognitive processes. Considered the definition of culture as a cognitive «hardware equipment» collective consciousness, in this conception, E. Rezabek, an approach which allows to describe the cognitive system of a particular, historically specific culture through the study of its cognitive-linguistic forms.

Keywords: culture, information, language, mind, cognitive system of culture, cultural neuroscience, mental forms of culture

«Лингвистический поворот» в гуманитарном знании предопределил эпистемологический сдвиг в современной философии, выразившийся в признании основополагающей роли языковых структур в формировании и развитии культурных процессов, интересе к гуманитарным формам научного мышления. Особого внимания в этом контексте заслуживает когнитивное направление в современной науке, объединяющее как гуманитарные, так и естественнонаучные подходы в сфере изучения природы человеческого познания и культуры. Когнитивный подход к культуре сформировался в когнитивной антропологии и получил свое развитие в когнитивной теории культуры (или когнитивной культурологии), разрабатываемой в рамках культурфилософской парадигмы.

Когнитивная теория культуры, как междисциплинарное направление, стремится объединить достижения различных наук в области описания когнитивных процессов, утверждая определяющую роль культуры в процессе познания (с опорой на идеи культурно-исторической школы Л.С. Выготского), что согласуется с достижениями

современных нейробиологических исследований мозга, подтверждающих гипотезу о коэволюции генов и культуры, хотя генетические методы и не позволяют пока ставить вопрос об изучении механизмов культурной специфичности когнитивных процессов [6, с. 5]. Поиск генетических механизмов усвоения культурного опыта является одной из наиболее значимых тенденций современных когнитивных исследований, что привело к становлению нового междисциплинарного научного направления, получившего название «культурная нейронаука». Это направление пытается выявить зависимость строения и функционирования мозга человека от социокультурного контекста, исследовать влияние культуры на биохимические процессы в мозге, предполагая, что культурный контекст не просто оказывает влияние, а организует когнитивные процессы. Такой подход, по мнению исследователей, позволяет преодолеть противопоставление природы и культуры, физиологического развития и обучения, изучить их взаимодействие и взаимовлияние [6, с. 7]. При этом высказываются опасения относительно того, что бурное развитие нейрофизиологических ис-

следований, перевод в нейробиологическую плоскость проблем психологии и когнитивной антропологии ставит вопрос о редукции психики к деятельности мозга. И здесь на первый план выходят проблемы методологического характера в области познавательных процессов – принимать ли нейробиологическую точку зрения на объяснение психических процессов или рассматривать получаемые результаты как объективные факты, требующие своего дальнейшего осмысления и концептуального оформления. По замечанию Фаликман М.В., на данном этапе развития когнитивных исследований чрезвычайно важно не останавливаться на анализе лишь «культурно-специфических» процессов в нервной системе и экспрессии генов, необходимо искать ответ на важнейший вопрос о том, каким образом «психика человека формируется в контексте культуры, к которой принадлежит» [6, с. 13], т. е. каким образом когнитивные процессы организуются под влиянием культурного контекста.

Фактически, методологической основой когнитивистики стал информационный подход, рассматривающий человека и его взаимодействие с окружающей реальностью через призму разнообразных информационных процессов. Как справедливо замечает М.В. Фаликман, когнитивная наука постепенно преодолевает ограниченность компьютерной метафоры познания, но подчеркивает при этом абстрактность подхода к системе познавательных процессов человека как к системе переработки информации, указывая на необходимость обращения к телесным и генетическим аспектам познания, проблемам социокультурного познания [5, с. 3; 5, с. 5]. И здесь особый интерес представляет предложенная Е.Я. Режабек когнитивная концепция культуры [см. 4], в которой, основываясь на информационной теории познания, рассматриваются механизмы формирования ментальных форм культуры, сообщающих культурный смысл непосредственному телесному опыту. Такой подход делает возможным изучение когнитивных механизмов, опредмеченных в различных культурных практиках и структурах, которые вырабатываются на основе человеческого опыта, в свою очередь, обуславливая его, т. е. позволяет через телесность включить человека в культуру, преодолеть разделенность культурной формы и реальной жизни.

Для обоснования когнитивной теории культуры Режабек Е.Я. обращается к «смысловым» [4, с. 11] концепциям культуры советской философии, в которых культура рассматривается в качестве про-

цесса смыслотворчества – теории идеального Э.В. Ильенкова, информационно-семиотической концепции Ю.М. Лотмана и деятельностно-семиотической концепции М.К. Петрова [4, с. 70]. Обращение к этим концепциям позволило, в частности, переосмыслить понятие информации в гуманитарном контексте его использования и показать, что расширение категориального статуса информации дает возможность изучать проблему культуры в контексте новых подходов.

В широком смысле информация может рассматриваться в качестве одного из основополагающих элементов бытия, присутствующих во всех реальных объектах, основная функция которого – структурирование реальности и противостояние энтропии. Как подчеркивает Режабек Е.Я., «информационный срез характеризует вещественную структуру и телесные свойства объекта, наличное и внутреннее бытие вещи, и передается энергетическими полями», причем информация – это «не сама энергия, а ее структурный дериват в составе энергии» [4, с. 75]. В таком контексте носителями информации становятся различные виды энергии, и сама информация может рассматриваться как «некое состояние энергетического поля, неотделимое от самого поля», при этом способность живых систем копировать информацию, т.е. «создавать «отпечаток», в той или иной степени изоморфный оригиналу», приобретает для человеческого мозга вид «когнитивного паттерна, который *как-то* <выделение Е.М.> соответствует физическому паттерну информации» [4, с. 76]. Пытаясь описать, что означает «*как-то*», Режабек Е.Я. отмечает различия между «презентируемой информацией, предоставляемой объектом» (источником), и «когнитивной информацией, имеющейся в голове человека» [4, с. 77], т. е. когнитивным паттерном, и вводит понятия кодирования – «перевода информации» в вещественное состояние из энергетического в процессе ее приема, и декодирования – перевода ее «из вещественного состояния одного кода в вещественное состояние другого кода, доступное реципиенту». Причем процессы кодирования и декодирования не уничтожают информацию, а ценность кода определяется тем, насколько «точно он передает структурную упорядоченность источника информации» [4, с. 76]. Описывая каузальный цикл обмена информацией в живых системах в терминах кодирования и декодирования, философ отмечает обязательность его для жизни человека, поскольку только «успешное распознавание содержания презентуемой информа-

ции способствует эффективной адаптации к био-, геосфере и социальной среде» [там же]. Причем всегда наличествует элемент активной переработки информации, т. к. основной способ человека извлекать информацию определяется «его активностью, которая связывает предметы определенными пространственными и временными отношениями» [4, с. 79].

Таким образом, с позиции информационного подхода познание не является процессом получения непосредственной копии реального мира, а «предполагает творческую, конструктивную активность субъекта, которая базируется на воображении, индивидуальном опыте и социокультурных предпосылках» [4, с. 81] т. е. обеспечивается различными информационными процессами, важнейшими из которых Е.Я. Режабек считает репрезентацию, рассматриваемую им в контексте культурно-исторического подхода, утверждающего влияние на формирование репрезентативных систем исторически детерминированных форм деятельности, продуцируемых культурой. Анализируя когнитивные формы – от телесных схем, складывающихся в процессе взаимодействия с внешней средой, до научных понятий, философ показывает, что на процесс освоения человеком окружающей реальности колоссальное влияние оказывают надындивидуальные, надбиологические регулятивы, совокупность которых и рассматривается им в качестве культуры, когнитивный строй которой определяется как «ментальная (и сознательная, и бессознательная) переработка информации, приходящей по сенсорным каналам, которые связывают человека с окружающим миром», причем в различные исторические эпохи «когнитивный строй одной и той же этнической культуры имеет различное когнитивное содержание» [4, с. 273]. В таком контексте и ставится вопрос о соотношении культурных и ментальных систем значений, о механизмах формирования когнитивных культурных форм, о влиянии культуры на когнитивные процессы.

Ключевым вопросом рассматриваемого подхода является вопрос о взаимодействии языка, культуры и мышления. Для любого когнитивного исследования «поиск адекватного кода», с помощью которого «мозг разговаривает с нами», является определяющим. Исследователи считают, что наиболее важным кодом, с помощью которого возможна расшифровка «смыслов и структур, знаков и инструментов, которыми на самом деле пользуется мозг», является вербальный язык, «ибо именно он показывает нам, как мир членится и форми-

руется для человека» [7, с. 82]. Как считает Черниговская Т.В., именно двойственная природа языка как культурного феномена, с одной стороны, и генетически обусловленного явления, с другой, позволяет соединить «объекты внешнего мира с нейрофизиологическими феноменами, используя конвенциональные семиотические механизмы» [там же], т.е. позволяет разрешить психофизическую проблему.

В противоположность лингвистически ориентированным философским учениям, которые в качестве основания культуры рассматривали трансцендентальную способность сознания, когнитивная теория культуры, отмечая изоморфизм между типом культуры и характером языкового сознания, определяет языковые структуры как «воплощение когнитивного строя культуры» [2, с. 270], т. е. когнитивное содержание языка определяется характером культуры. При этом для описания сложного взаимодействия языка и культуры обе системы – и языковая, и культурная, рассматриваются в качестве значимых систем, которые совмещаются посредством культурных значений, а различия в категориях культуры и языка создают пространство порождения смысла. В контексте такого подхода становится возможным соединить ментальную и языковую сферы посредством значения, в котором содержание находит свое выражение, преобразуясь из субъективного факта в интересующую реальность, поэтому язык предстает в качестве необходимой части культуры, посредством которой она «структурируется, воспроизводится, продуцируется, накапливается, сохраняется и передается» [4, с. 56].

Описывая роль культуры в структуре сознания, Режабек Е.Я. подчеркивает ее универсальный характер: культура как система «метарегулятивов», организующих человеческую деятельность, «вносит инвариантное единство» в изменчивый спектр личных переживаний, а ее когнитивный потенциал реализуется в любых культурных артефактах, причем культура определяется как «аппаратурное оснащение коллективного сознания», которое дает возможность обеспечить эффективную деятельность сознания индивидуального. Это «аппаратурное оснащение» предстает в качестве иерархически организованных ярусов: «верхний» – к нему относятся «мировоззренческие смыслы» (смыслополагающая область человеческих репрезентаций, надындивидуальные регулятивы поведения общественного человека); «средний» ярус культуры образуют те когнитивные формы, в которых коллективные смыслы становят-

ся доступными сознанию (планы, когниции, понятия); «нижний» ярус культуры – это система артефактов, в которых опредмечивается человеческая деятельность, посредством которой человек стремится преобразовать окружающую реальность в своих интересах (инструменты, орудия, материальные конструкции). Эти комплементарные друг другу уровни культуры совместно эволюционируют на основе принципов самоорганизации. В рамках такого подхода становится возможным исследовать «преобразование мира на культурных основаниях», рассмотреть пространство культуры как «поле общих дел, чувств и мыслей», определить регулятивность в качестве «технического оснащения» культуры, обуславливающего поведение человека [1, с. 223–224]. Такое широкое понятие когнитивности включает как дорефлективные (телесные схемы, чувственное переживание, архетипы культуры, психологические и социальные стереотипы), так и рефлексивные (когниции, концепты, мировоззренческие категории) структуры сознания. Причем обыденное и научное познание действительности различаются: первичную категоризацию мира на уровне обыденного сознания осуществляют когниции; на более высоком уровне рефлексивного сознания возникают концепты («формообразования зарождающегося теоретического знания»); высший ярус рефлексивной деятельности сознания образуют мировоззренческие категории, возникающие из концептов [3, с. 43–44].

Таким образом, изучение культуры предполагает описание ее когнитивного строя,

для чего необходимо исследование различных уровней рефлексивности, присущих конкретной, исторически определенной культуре. При этом изучение когнитивно-лингвистических форм культуры позволяет выявить способы переработки информации, отличающие сознание человека разных эпох, т. к. они маркируют не только возможность репрезентации, но и «практического освоения мира у человека, вписанного в определенную эпоху социальной жизни». Следовательно, может быть поставлена задача историко-типологического исследования «когнитивно-лингвистических образов людей, живущих в разные эпохи» [4, с. 303].

Список литературы

1. Коваленко Е.М. Символизм современной европейской культуры (концептуальный анализ). – Ростов н/Д, ИПО ПИ ЮФУ, 2011. – 244 с.
2. Режабек Е.Я. В поисках рациональности (статья разных лет). – М.: Академический Проект, 2007. – 383 с.
3. Режабек Е.Я. Когнитивный подход в науке о культуре // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов н/Д, 2008. – № 1. – С. 39–46.
4. Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. – СПб.: Алетейя, 2010. – 312 с.
5. Фаликман М.В. Когнитивная парадигма: есть ли в ней место психологии? // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 42. – С. 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1166-falikman42.html> (дата обращения: 07.09.2015).
6. Фаликман М.В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10. – № 3. – С. 4–18.
7. Черниговская Т.В. «До опыта приобрели черты...» Мозг человека и породивший его язык // Философско-литературный журнал Логос. – 2014. – № 1 (97). – С. 79–96.